

5. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993 гг.). СПб.: Искусство, 1998. С. 423–436.
6. Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
7. Холопова В. Н., Чigareва Е. И. Альфред Шнитке: Очерк жизни и творчества. М.: Советский композитор, 1990. 350с.

References

1. Buber M. *Dva obraza very* [Two way of faith]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 464 p.
2. Vizeľ M. *Giperteksty po tu i jetu storonu jekrana* [Hypertext on this and that side of the screen]. *Inostrannaja literature*, 1999, no 10, pp. 169–177.
3. Evin I. A. *Sinergetika mozga i sinergetika iskusstva* [Synergetics of brain & synergetics of art]. Moscow, Geos Publ., 2001. 164 p.
4. Knjazeva E. N., Kurdjumov S. P. *Osnovaniya sinergetiki* [Foundations of synergetics]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2002. 414 p.
5. Lotman Ju. M. *Tekst v tekste. Ob iskusstve. Struktura hudozhestvennogo teksta. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Stat'i. Zаметki. Vystuplenija (1962–1993 gg.)* [The text-in- text. About the art. The structure of the artistic text. The semiotics of the cinema and the problems of the cinema's esthetics. Articles. Notes. Speeches (1962-1993 years)]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 1998, pp. 423–436.
6. Rudnev V. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary culture of the 20th century]. Moscow, Agraf Publ., 1999, 384 p.
7. Holopova V. N., Chigareva E. I. *Al'fred Shnitke: Oчерk zhizni i tvorcestva* [Alfred Schnittke: Essay on the life and work]. Moscow, Sovetskiy Kompozitor Publ., 1990, 350 p.

ПОНЯТИЕ «ТВОРЧЕСТВО» В БУДДИЗМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ

Немчинова Анна Леонидовна, кандидат философских наук, доцент, Астраханский государственный технический университет, Российская Федерация, 414065, Астрахань, ул. Татищева, 16, E-mail: dnem@yandex.ru

Автор считает, что первый шаг к постижению ценности других религий – это осознание их в их собственных терминах. У каждой религии свои духовные глубины; каждая из них дает свои уникальные ответы на многие фундаментальные вопросы, волнующие человека в течении его жизни. На основе фрагментов священных текстов в статье предпринята попытка постигнуть традиции истолкования творчества в западной (христианство) и восточной (буддизм) традиции.

Ключевые слова: творчество, христианство, буддизм, креационизм, диалог

CONCEPT “CREATIVITY” OF THE BUDDHISM AND CHRISTIANITY

Nemchinova Anna L., Ph.D. (Philosophy) Associate Professor, Astrakhan State Technical University, 16 Tatischeva Str., Astrakhan, 414065, Russian Federation, E-mail: dnem@yandex.ru

The author considers that the first step to comprehension of value of other religions is their understanding in their own terms. At each religion the spiritual depths; each of them gives the unique answers to many fundamental questions exciting the person during his life. On the basis of fragments of sacred texts in article an attempt to comprehend traditions of interpretation of creativity in western (Christianity) and east (Buddhism) tradition is made.

Keywords: creativity, Christianity, Buddhism, creationism, dialogue

Прогресс средств транспорта и коммуникации, приведший к тому, что все люди на Земле стали жить как бы в одной большой деревне, способствовал развитию более тесных контактов между различными религиями мира. Еще полстолетия назад христиане Северной Америки могли ни разу в течении всей жизни не встретить мусульманина или буддиста. Мусульмане Сирии или буддисты Таиланда вполне могли придерживаться сходного взгляда на иностранные религии, которые тогда только начали свое вторжение на их земли. Но теперь города Запада переполнены иммигрантами из Азии и Африки, придерживающимися своих исконных верований, а наши экономические и политические дела связывают нас со всеми народами Земли.

Первый шаг к постижению ценности других религий – это осознание их в их собственных терминах. У каждой религии – свои духовные глубины; каждая из них дает свои уникальные ответы на многие фундаментальные вопросы, волнующие человека в течении его жизни.

Теологи всех конфессий теперь признают позитивное значение других религий и пытаются отойти от предубеждений прежних времен. В наши дни все глубоко осознали, что поиски человеком Бога или Высшей Реальности, независимо от названия, лежит в основе всех религий.

В наше время межконфессиональный диалог уже продвинулся от первых шагов по признанию ценностей разных религий ко все возрастающему пониманию того, что религии мира имеют между собой много общего. Христианин, например, может найти в исламе то, что поможет ему укрепиться в его вере, а мусульманин вполне сможет отыскать полезное для себя в буддийских учениях.

Точно так же и цели духовной практики каждой религии, хотя и не совпадают, имеют, однако много общего [1]. Так идеалы, вдохновляющие человека универсальны, то люди, достигшие цели, будь то просветление, спасение, святость, творчество как самореализация или освобождение, всегда провозглашают высшие человеческие ценности: любовь, сострадание, мудрость, чистоту, мужество, терпение, справедливость, силу характера, спокойствие ума и внутреннюю радость.

Существуют и неизбежные различия между священными писаниями, принадлежащими религиям, каноны которых строго ограничены текстами, принадлежащими основателю религии и его ближайшим ученикам (христианство, ислам, сикхизм) и писаниями тех религий, каноны которых открыты и включают тексты многих периодов религиозной истории (буддизм, индуизм, джайнизм).

Остановимся на одном из таких понятий как творчество.

«Творчество принято считать ценностью западного мировоззрения и поведения, в то время как для Востока эта способность во многом трактовалась как излишняя и опасная, и причины этой традиции достаточно ясны» [2, с. 187].

В буддийской религии нет божества. Она предполагает наличие склонности к самоанализу у своих последователей и предельно тщательное изучение буддийских доктрин об Избавлении. Основная часть учений Будды посвящена «четырем благородным истинам», а также преодолению земных страданий, следуя Восьмеричному Пути: «Страсть – это цепь, приковывающая к миру, и ее трудно разорвать. Но у того, кто делает это, не будет больше горя, не будет больше тоски. И вот поток расторгнут, и нет больше цепей» [4, с. 284]. В восточных философских учениях отсутствует как идея Бога Творца мироздания, так и идея самотворчества материи, что лишает процесс творчества абсолютной онтологической значимости. Творчество рассматривается, скорее, как феномен, проявление становящегося, обусловленного бытия, изначально имеющего предельно низкую оценку [2, с. 187]. «То, что другие считают источником счастья, мы называем страданием. То, что другие считают страданием, мы называем источником счастья. Держись этого учения, стремись к его постижению, в нем – исчезает неведение» [4, с. 292]. В соответствии с буддийскими традициями, творчество есть одна из причин перемен и новых зависимостей [2, с. 187]: «победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся от победы и поражения» [4, с. 293].

Буддийское понимание мироздания таково, что многие буддисты видят этот мир состоящим из пяти (иногда шести) сфер. На трех нижних уровнях находятся сфера ада, сфера голода и сфера животных, затем следуют сфера человечества и небесная сфера, где живут асуры – демоны, ведомые завистью к богам. У претов, голодных призраков, животы огромны, а рты крошечны, чтобы они никогда не смогли удовлетворить своего голода. Выйти из сансары можно лишь переродившись в человека. Животные не могут достичь просветления, в силу их инстинктов. Тем не менее Будда также обращается к ним в своем поучении. Дэвы, боги, не могут понять необходимость буддийского избавления, по причине их счастливого бытия. Сфера, в которой рождается личность, зависит от ее кармы. Конечная цель существа – выйти за пределы сферы: «В Первом Основополагающем Законе заключена основная причина последовательной смены рождений и смертей от бесконечного начала времен. Это Закон Неведения, универсальный закон воплощения, проявления, преобразования, смены и различия. В силу действия этого закона произошло разнообразие проявлений разума у всех обладающих ощущениями существ, и во все времена они считали сой ограниченный, смятенный и пораженный недугами разум проявлением истинного изначального Разума» [4, с. 209]. Идея гармонии, столь значительная на Востоке, объясняет излишнюю роль творческих процессов, которые способны разорвать существующий в мироздании баланс качеств и субстанций и стать причиной деструктивности. Творчество выступает в этом смысле выражением целенаправленного изменения, которое расценивается как утрата изначального энергетического и духовного баланса, равновесия частей космоса и индивидуального микрокосма [2, с. 187]. В Сурангами сутре так объясняется Второй Основополагающей Закон, в котором «заключена основная причина неразрывного единства Просветления и Нирваны, существующего от бесконечного начала времен. Это закон всеобъемлющего сострадания и сочетания душ, ведущей к единению закон чистоты, гармонии, света, ритмичного движения, постоянства и покоя. При сочетании этого закона с ярким светом твоей собственной души открывается, развивается и осуществляется в различных проявлениях всеобъемлющий дух» [4, с. 209].

Восточное мышление, пишет Л. В. Баева [2, с. 187], являясь синтетическим единством мифологического, религиозного и философского мировосприятия, стремится к утверждению ценности традиции, прямо противостоящей ценности нового, творческого, изменяющего: «К ученику – в учении, к идущему – в пути, к грешнику – когда он перестает грешить, приходит знание; искренность дарует внутреннее зрение, внутреннее зрение – свободу; свобода внутреннего зрения ведет к истинному знанию: Моя свобода состоит в отказе от оков становления» [4, с. 376]. С точки зрения мифологического и религиозного миропонимания, отступление от традиционных установлений или сомнение в их святости неизбежно ведет к утрате связей между поколениями, консолидирующими общество не только в пространстве, но во времени: «Я стану следовать примерам Будды от мысли к мысли. Хотя пустота пространства имеет конец и миры существ, кармы существ, горести существ все имеют конец, но мои занятия и следование примерам Будды будут бесконечны. Мысль сменяет мысль непрерывно и в деяниях тела, речи и ума – без усталости» [4, с. 429]. Консерватизм, автаркия, нетерпимость выступают инструментами, охраняющими традиционные общества от влияния иных культур и собственного творческого меньшинства: «Знай, что тот, кто читает и произносит сутру Закона-цветка, тот человек украсил себя украшением Будды, и Татхагата несет его на своем плече» [4, с. 417].

Согласно буддизму, личность состоит из пяти составляющих существования, скандх: формы (рупа), чувств (ведана), восприятий (самджня), умственных формирований (самскара) и сознания (виджняна). Отождествление личности с ее чувствами и мыслями или допущение существования уникальной личности, обладающей особой вечной душой, отвергается Буддой как проявление высокомерия. Субъективность с этих позиций выступает формой бытия объективной духовной субстанции, не нуждающейся в конструктивных, созидательных способностях, ибо пребывает в покое: «Благородный и поняливый ученик ощущает отвращение к телу, отвращение к чувству, к способности понимать, к деянию и к разуму. Ощувив отвращение, отказывается от них; отказавшись от них, освобождается; приходит к убеждению, что в освобождении

спасение. Ибо он знает: «во вторичном рождении разрушается; живет жизнью веры; исполняет мою волю; а у существования земного нет грядущего» [4, с. 471]. Итак, отсутствие допущения существования уникальной личности, противостоящей природе и обществу, лишает феномен творчества его главного субъекта: «Каковы дела, таковы и результаты. Хотя деятель – не существует. Таково учение Будды» [4, с. 103].

Цикл сансары и учение о страдании являются основами буддизма. Главные доктрины буддизма направлены, в основном, на поиск метода освобождения от всех видов страдания. Буддизм придерживается множества путей к «просветлению». Это медитация как путь к своему внутреннему «я», боевые искусства и пуджи. Путем достижения «просветления» буддийские мастера могут развить в себе магические способности, или «сидхи». Прикладные сидхи включают в себя невидимость, ясновидение, телепатию, левитацию и другие чудеса. Таким образом, восточный тип восприятия и истолкования мира опирается преимущественно на иррациональные способности к мистической интуиции, созерцанию, целостному постижению сущности бытия, что если и рождает феномены творчества, то делает их качественно отличными от образов западного критического мышления [2, с. 187]. Наивысшей сидхой в буддизме и является «просветление» своего «я», т.е. целью духовного совершенствования выступает состояние раскрытия сознания, его очищение и просветление: «В самых сокровенных глубинах нашего разума находится Трикайя (Три тела) Будды, и с ними знаком каждый. Ибо разум изнемогает от заблуждений, ему не знакома его внутренняя сущность, и в результате он игнорирует Трикайю внутри себя, ошибочно полагая, что нужно искать нечто вовне» [4, с. 69]. В этих состояниях творчество попросту излишне, так как выражает стремление к чему-либо, в то время как чистое сознание характеризуется, прежде всего, покоем и безмятежностью. Созерцание как феномен чистой пассивности выступает целью познания и существования в традиции Востока, что не только отрицает стремление к активности и творчеству, но и рассматривает их как преграду на собственном пути [2, с. 187]. Разум как источник творческих способностей не только не включается в состав духовной сущности «я», но и оказывается источником ее заблуждений и иллюзий: «по сути наша трансцендентальная природа пуста, и сама по себе не обладает никакими способностями. Сущность Разума в этом смысле подобна состоянию Абсолютной Пустоты» [4, с. 58]. Поэтому целью, как в познании, так и в поведении, выступает отказ от активности и анализа, поскольку цель заключена не в самовыражении, а трансцендировании в изначальное, а следовательно, не нуждающееся в *со-творении* [2, с. 188].

Иной взгляд на смысл творчества – теологический – дает христианское мировоззрение, которое вплелось в основания европейской культуры наряду с античной философией. Большинство мыслителей, придерживающихся теологического подхода к осмыслению природы творчества, создавали свои теории в эпоху средних веков, соответственно, предметом анализа, прежде всего, христианство. В логике исследования обращение к христианскому мировоззрению становится необходимым, поскольку оно утверждает творчество, выбирая собственный контекст: творчество есть необходимое условие спасения человека.

Одна из основательниц отечественной медиэвистики О. А. Добиаш-Рождественская так писала о христианстве: в жизни средневековья доминирующая сила – «религия и церковь» [6, с. 20]. «Идейный мир средневековья был, в общем, во всех своих элементах насыщен, пропитан религиозными представлениями» [10, с. 70], – пишет Й. Хейзинга.

В Средние века именно благодаря специфике христианства (вере в «вочеловечивавшегося», ставшего человеческой личностью Бога, и учению о подобии внутренней личности и внешнего образа Бога и человека) открытая античностью человеческая личность не исчезает, несмотря на доминирующее положение социальных форм бытия человека, но продолжает развиваться, приобретает новое содержание.

Христианство через утверждение личности Бога в единстве и личном существовании трех ипостасей Святой Троицы, обратилось и к человеку как к личности. Оно впервые увидело ценность отдельной личностной человеческой реальности и заявило о себе как о первом персоналистическом учении, явилось началом персонализма. Человек теперь утверждает свое право на уникальность и отделенность от общества в процессе общения с Богом. Любовь к Богу провозглашается наивысшей ценностью и сутью всякого отношения к Другому, она даже противопоставляется любой иной форме этого отношения.

Общение с Богом приближается к подлинной форме диалога, поскольку Бог Иисус Христос (и его ближайшие сподвижники, духовные и преобразившие кровные связи родственники: Богородица, апостолы, святые) является личностью, общение к которой имеет самостоятельное и высшее значение в деятельности и жизни человека [5, с. 34].

Именно поэтому, христианство и возвышает человека, ибо говорит о Богочеловеке, к тому же оно сразу после своего появления ставит проблему творчества. Одним из главных оснований христианства выступает богословский догмат о сотворении Богом мира из ничего (*ex nihilo*) – креационизм (от лат. *creation* – творение). «Фома Аквинский подчеркивает момент творческой действительности бытия, в полной мере наличный в самом бытии (*ipsum esse*)» [8, с. 67], т.е. в Боге, как (чистый акт).

Началом бытия в христианской традиции выступает творческая воля Перволичности. Поэтому творчество утверждается в качестве основы истинного бытия. Одна из главных идей христианства заключается в том, что Бог сотворил мир из ничего. Как следствие данной идеи определяется, во-первых, идея субъекта творчества. В данном случае – это Бог. Во-вторых, идея волевого творения субъекта. Абсолютная воля Бога ничем не ограничена, ни материей, ни идеями. До проявления этой воли ничего нет. Субъект творчества абсолютно свободен, он действует из себя. В-третьих, христианство утверждает также идею о мире как продукте творчества.

Таким образом, христианская философия по-новому ставит вопрос о творчестве. Проблема творчества связана теперь с проблемой свободы, точнее, с проблемой свободы воли. В связи с этим, христианство задает и новый статус личности.

Согласно христианской традиции человек сотворен по «образу и подобию» Божию. В человеке находится божественный дух, в отличие от всего остального творения. По божественному установлению человек оказывается над миром. Он телесен как и все в мире, но он имеет дух Божий, что возвышает его над всем прочим. Понимание «образа и подобия» Божия было разным. В основном, почти у всех Отцов Церкви, – это «подобие» Божие виделось в разуме и его производных: слове или речи и творчестве.

Способность к творчеству изначально поставила человека в господствующее положение над миром. Первая книга Моисея Бытие указывает на особое положение человека, где 28 стих 1 главы гласит: «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте на рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» [3, с. 10]. Здесь описано существование человека как биологического вида, ибо заповедь плодиться и размножаться была дана также пресмыкающимся и птицам. Вместе с тем указывается и на особое положение человека – его власть, власть над землею.

Еще очевиднее о господствующем положении человека в мире сказано во 2 главе, в стихе 15: «И взял Господь Бог человека, (которого создал,) и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» [3, с. 10]. Кроме сохранения творения, которое возложено на человека, он должен еще и возделывать его, то есть культивировать данный ему мир. В этой же главе сказано, как Адам исполняет свое призвание – он дает имена всем животным. «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» [3, с. 10].

Именно называя животных, Адам проявляет свою творческую активность. Бог заранее не называет животных, он предоставляет это сделать человеку. Дать имя вещи для древнего человека, значит определить сущность вещи. На этом строится весь магизм древности. Бог в процессе творчества называет конкретно каждую вещь: свет, суша, земля, вода и т.д. Животных он не называет конкретно, тем самым, давая человеку возможность проявить его творческие способности, тем самым, утверждая ценность человеческого творчества. Но, следует отметить, Адам, первый человек, только называет сотворенное Богом, но не творит их, то есть не определяет к бытию.

Следовательно, Библейское откровение утверждает ценность человеческого творчества, дает основание для антропологического обоснования творчества.

Следует отметить, что христианское понимание творчества не было концептуализировано. Соответственно, несмотря на то, что абсолютная творческая сила приписывалась исключительно Богу, средневековый человек не лишился возможности создавать собственные произведения. Он мог творить как в области материальной, так и в области духовной культуры.

Но, как писал Августин Аврелий, обращаясь к Богу: «Мастеру тело дал Ты; душу, распоряжающуюся членами его тела, – Ты; вещество для его работы – Ты; талант, с помощью которого он усвоил свое искусство и видит внутренним зрением то, что делают его руки, – Ты» [1, с. 162]. Согласно позиции августиновско-христианского креационизма: источником, творцом всех понятий, или идей, может быть только Бог.

Таким образом, всякая деятельность человека признавалась изначально обусловлена божественной волей. Абсолютно свободным и совершенным, с точки зрения средневековых мыслителей, может быть только божественное творчество. Результатом его является весь мир и человек в нем.

И как утверждает Аврелий Августин в сочинении «О величине души»: «Добродетель тем выше, чем большим количеством вещей пренебрегает данный человек» [9, с. 75].

Процессы божественного и человеческого творчества проходят по одному и тому же алгоритму: от идеи (замысла) произведения мастер переходит к ее реализации в том или ином материале, а затем – к оценке полученного результата.

Вдохновителем же человеческого творчества всегда является Бог, «творец всякого тела и дух всякого творения» [9, с. 254]. Сколь бы прекрасным ни было создание человеческого ума или рук, хвалу за его совершенство следует воздавать Богу (поэтому, кстати, в эпоху Средних веков большинством теологов постулируется анонимность творчества).

Между тем, результаты человеческого творчества заведомо несовершенны. В отличие от Бога, сразу создавшего мир, не нуждающийся в исправлении, человек творит то или иное произведение «по частям», перерабатывая и дополняя свой изначальный замысел. При этом он создает нечто не только ради красоты (как это делает Бог), но также руководствуется соображениями пользы. Еще одним важным отличием божественного творчества от человеческого является постоянная «вовлеченность» Бога в созданное им произведение. Он поддерживает порядок всего мира и продолжает актуализировать заложенные в нем потенции. Пронизывая своим присутствием мир, Бог вечно управляет им.

Итак, вера в некую высшую сущность, управляющую миропорядком и людьми, присутствует во всех культурах. Но различия неизбежны, одно из них мы рассмотрели – это понятие «творчество». Эти различия были предопределены самим развитием религий, например, религии Древнего Востока развивались либо просто как нормы нравственного образа жизни, как в буддизме, христианство же тесно связано с иудаизмом, который и был источником его зарождения. Основная идея христианской веры заключается в спасении, которое возможно через *со-творчество*, распятие и воскресение Иисуса Христа, сына Божьего.

Список литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь // Августин Аврелий. История моих бедствий: пер. с лат. / Петр Абеляр; сост. и аналит. ст. В. Л. Рабиновича; ред. Д. М. Носов. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия: Опыт экзистенциальной аксиологии. М.: Прометей, МПГУ, 2003. 240 с.

3. Библия. М.: Российское Библийское общество, 1997. 1337 с.
4. Всемирное писание: Сравнительная антология священных текстов: пер. с англ. / под общ. ред. проф. П. Гуревича. М.: TERRA-Книжный клуб; Республика, 2001. 592 с.
5. Гайнутдинова Е. В. Философия Н. А. Бердяева как определяющий вектор в построении теории поведения человека // Н. А. Бердяев: философия свободного духа и судьба человека в современном мире / под ред. Е. В. Гайнутдиновой. Астрахань: Р. В. Сорокин, 2015. 132 с.
6. Добиаш-Рожественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М.: Наука, 1977. 352 с.
7. Карабушенко П. Л. Элитология культуры и философия творчества // Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (51). С. 29–37.
8. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. Т. 16. 731 с.
9. Соколов В. В. Средневековая философия. М.: Мысль, 1979. 287 с.
10. Хейзинга И. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988. 544 с.
11. Шербаклова Л. В. Ментальность как категория повседневной культуры // Вопросы культурологии. 2011. № 6. С. 10–13.

References

1. Avgustin Avrelj. Ispoved'. Petr Abeljar. Avgustin Avrelj. Istorija moih bedstvij. Ed. by D. M. Nosov. Moscow, Respublika Publ., 1992. 335 p.
2. Baeva L. V. *Cennostnye osnovanija individual'nogo bytija: Opyt jekzistencial'noj aksiologii*. Moscow, Prometej Publ., MPGU Publ., 2003, 240 p.
3. *Biblija*. Moscow, Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo Publ., 1997, 1337 p.
4. *Vsemirnoe pisanie: Sravnitel'naja antologija svjashhennyh tekstov*. Ed. by P. Gurevich. Moscow, TERRA-Knizhnyj klub Publ.; Respublika Publ., 2001, 592 p.
5. Gajnutdinova E. V. Filosofija N. A. Berdjaeva kak opredelajushhij vektor v postroenii teorii povedenija cheloveka. N. A. Berdjaev: filosofija svobodnogo duha i sud'ba cheloveka v sovremennom mire. Ed. by E. V. Gajnutdinovoj. Astrakhan, R. V. Sorokin Publ., 2015, 132 p.
6. Dobiash-Rozhdestvenskaja O. A. *Kul'tura zapadnoevropejskogo srednevekov'ja*. Moscow, Nauka Publ., 1977, 352 p.
7. Karabushhenko P. L. Elitologija kul'tury i filosofija tvorcestva. *Gumanitarnye issledovanija*, 2014, № 3 (51), pp. 29–37.
8. *Slovar' filosofskih terminov*. Ed. by V. G. Kuznecov. Moscow, INFRA-M Publ., 2005, vol. 16, 731 p.
9. Sokolov V. V. *Srednevekovaja filosofija*. Moscow, Mysl Publ., 1979, 287 p.
10. Hejzinga I. *Osen srednevekov'ja. Issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshlenija v XIV i XV vekah vo Francii i Niderlandah*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 544 p.
11. Shcherbakova L. V. Mental'nost' kak kategorija povsednevnoj kultury. *Voprosy kulturologii*, 2011, no. 6, pp. 10–13.

НИБЕЛУНГИ И ПСИХОАНАЛИТИКИ: ФРЕЙДИСТСКИЙ И ЮНГИАНСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПОЭМЫ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»

Саракаева Элина Алиевна, кандидат филологических наук, доцент, Хайнаньский государственный университет, Китай, 570100, провинция Хайнань, г. Хайкоу, Мэйланцю, пр-т Жэнминь, 58, E-mail: 2689655292@qq.com

Лебедева Ирена Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта, Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14, E-mail: irenalebedeva@mail.ru

В статье рассматриваются подходы представителей фрейдистской и юнгианской школ к анализу средневекового германского героического эпоса «Песнь о Нибелунгах». Особое внимание уделяется построениям американского «нибелунговед» Виндера МакКонелла, который, опираясь на ключевые концепты теории личности Карла Юнга, предложил убедительный анализ психологических образов персонажей поэмы и их мотивировок. Положения статьи проиллюстрированы примерами из оригинального текста поэмы (манускрипты В и отчасти А) по штутгартскому изданию 1892 г., художественный перевод примеров приведен в версии Ю. Б. Корнеева.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитическая литературная критика, фрейдизм, Карл Юнг, личное и коллективное бессознательное, Анимус, Тень, Самость, Подавление, героико-эпическая поэма «Песнь о Нибелунгах», Кримхильда, Зигфрид, Хаген Тронье, Зигмунд, бургундские короли

NIBELUNGS AND PSYCHOANALYSTS: FREUDIAN AND JUNGIAN APPROACHES TO THE ANALYSIS OF "DAS NIBELUNGENLIED"

Sarakaeva Elina A., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Hainan State University, 58 Zhenmin Str., Meilanqu District, Haikou, Hainan Province, 570100, China, E-mail: 2689655292@qq.com

Lebedeva Irena V., Ph.D. (Sociology), Associate Professor, Caspian Institute of Sea & River Transport, 6/14 Nikolskaya street, Astrakhan, 414000, Russian Federation, E-mail: irenalebedeva@mail.ru

The article considers the attempts to analyze the medieval German heroic epos "Das Nibelungenlied" ("The Lay of Nibelungs") by the representatives of Freudian and Jungian schools of psychoanalysis. Special attention is paid to the theory of American expert on the "Nibelungenlied" Winder MacConnell who, relying on key concepts